

АПОЛОГИЯ МУДРОСТИ

Философ и писатель Феликс Лазарев

Как-то в московские аспирантские годы я зашел к профессору Шаталову, крупному специалисту по творчеству Тургенева. С ним мы были знакомы со времен, когда он заведовал кафедрой русской литературы в Арзамасском пединституте, а я был его студентом. Я застал Станислава Евгеньевича за странным занятием: профессор читал... фантастику... Я, признаться, и сам был ею увлечен, но чтобы доктор филологии? На мой недоуменный взгляд он улыбнулся и сказал: «Ты знаешь, Гена, в науке раз в 20-30 лет происходит обновление методологии. Взамен социально-исторической пришли структуральная, системная, функциональная... Фантастика содержит идеи,

которые способствуют обновлению методологических основ науки...».

И вот судьба подарила мне возможность встретить человека, который является творцом совершенно новой методологии в философии — а это не что иное, как новый взгляд на мир! И произошло это в рядовом городе нынешней Украины — в Симферополе... Мы встречались на заседаниях правления Союза русских, украинских и белорусских писателей, основанном другим замечательным философом и писателем — Анатолием Ивановичем Домбровским. А потом — и на общих собраниях Крымской академии наук, где академик *Ф.В. Лазарев* — *вице-президент*, состоит членом президиума. Возглавляет гуманитарное направление в работе академии... С неизменной шкиперской бородкой, с прищуром увеличенных линзами глаз под большим лбом мыслителя, с любезной улыбкой на устах — он являет собой символ доброжелательности и интеллигентности. Общение с ним было для меня особенно интересным. В начале века я написал и опубликовал философское эссе на 300 страниц — «Вариант сознания — 1. Размышления о Боге, природе и человеке». Тут было собрано многое из того, о чем размышлялось за тридцать лет жизни. Феликс Васильевич прочел эссе и высказался в одобрительном смысле. Позднее, прочитав научные труды философа, я поразился тому, что мои доморощенные мысли, которые пытались сложиться в глобальную картину бытия, частенько перекликались с размышлениями философа, который по праву входит в элиту мировой науки. Это я пишу не в похвальбу себе, а чтобы подчеркнуть, как широк диапазон размышлений Лазарева, которого хватило и на разработку новейшей интервальной философии, и на книги о судьбах славянской цивилизации, и на разработку проблем теории познания, и на многое-многое другое. Я уж не говорю о том, что Феликс Лазарев читает лекционные курсы в Таврическом университете, воспитывает аспирантов, проводит международные конгрессы философов... Естественно желание как можно больше узнать об этом удивительном человеке. Обнаружилось, что имя Ф. Лазарева стоит в числе наиболее авторитетных в Философской энциклопедии. Замечательные очерки становления мыслителя можно прочесть в книге Александра Креминского «Философское творчество Ф.В. Лазарева в контексте современной ноосферной культуры», которая вышла в Симферополе в 2010 году. Меня привлекли главы, рассказывающие о формировании Феликса Васильевича Лазарева как человека и ученого. Как получилось, что мальчик из далекой алтайской глубинки стал лидером целого направления в современной философии?

Описание жизни человека, как заявляет А. Креминский, задача непростая. Хорошо быть биографом политиков, полководцев, путешественников, космонавтов: их жизнь полна событиями, подвигами, необыкновенными приключениями. А что такое жизнь ученого, мыслителя? Как говаривал Гегель, «философия рисует серым по серому». Большая часть его деятельности проходит незримо. Более того, философ всегда в сомнении: даже стоя перед неоспоримыми истинами, освященными тысячелетиями, он не останется перед возможностью их опровергнуть или повернуть мысль в иное

русло. Но каждый человек определяет свою судьбу самостоятельно. Философ осознанно выбирает, образно говоря, заточение в башне из слоновой кости. Стало быть, еще в детские годы закладываются основы личности, которая посвящает себя не деянию, но мудрости. Такой выбор стоял и перед провинциальным мальчиком, что жил поблизости от Чуйского тракта, по которому шагали караваны верблюдов. Из России — с мукой и сахаром, из Монголии — с тюками шерсти. Юному Феликсу было восемь лет, когда по окончании первого класса он наслаждался первыми каникулами в Киргизии, на берегу озера Иссык-куль, куда после войны отца перевели на опытную сельскохозяйственную станцию. И вот он наткнулся на одну из книг в библиотеке отца. Это была работа Гельвеция, французского мыслителя XVIII столетия. Называлась она «Об уме». Конечно, в ней он ничего не понял, но само название запало в душу. Вскорости он перечел всего Пушкина, Гоголя, «Преступление и наказание» Достоевского, подбирался к «Дон-Кихоту»... Но Гельвеций не забыт... Появляется мысль написать свою философскую книгу, но уже не об уме, а о человеке. Школяр взял чистую тетрадь, перегнул ее пополам, прошил нитками, и вот в этой самодельной брошюре печатными буквами вывел: «Гельвеций написал об уме, а я о человеке». Прошло недели полторы, и тетрадь была заполнена собственными мыслями. Тетрадь закончилась — мысли тоже... Он еще не знал тогда, что у французского философа была и другая книга — называлась она как раз так: «О человеке»... А дальше сюжет развивался совсем по гоголевскому сценарию, который, как все помнят, привел писателя к сожжению второго тома «Мертвых душ». Феликс сжигает свой опус... Почему? Из чувства ответственности перед родителями... Шел 1947 год. Боялся за родителей, которые отвечают за политические высказывания своих детей... И вот что интересно: спустя шесть десятилетий философа Лазарева снова потянуло написать о человеке, о тайне его бытия... Круг замкнулся...

Прочитав очерк о детстве Феликса Лазарева, я задумался... По восточной традиции, жизнь человека разделяют на несколько этапов. Один из них называется «Время волка». Он охватывает у мужчин возраст от 35 до 45 лет. В это время человек задумывается и решает для себя: что есть окружающий мир? Что есть я? Для чего мы существуем? У меня именно так и было. У Феликса Лазарева это вопросы встали в раннем детстве. Очевидно, он был рожден стать философом.

Другой важный этап становления ученого — студенчество. В 1956 году юный выпускник средней школы (золотая медаль!) поступает в МГУ имени М. Ломоносова — естественно, на философский факультет. Просыпается желание оставить свой след в науке. Уже на втором курсе он пишет работу по теории познания и методологии. Профессор П. Попов в рецензии написал, что курсовую работу следует отметить премией. Энтузиазма прибавилось, и через два года студент Феликс Лазарев начинает разрабатывать свой первый самостоятельный научный проект — интервальный подход, который предполагает комплексный, многосторонний подход к пониманию мира и человека. Это значит, что имеют право на жизнь все возможные

точки зрения, все ракурсы исследования — вплоть до мистики и оккультных наук. Каждый взгляд открывает в мире и человеке нечто новое. И понимаешь, что такой подход не мог возникнуть на голом месте. В те годы Московский университет был средоточием научной и творческой мысли. Это и лекции философских светил В. Асмуса, А. Богомолова, и знакомство из первых уст с достижениями крупного теоретика физики Д. Иваненко, ведущего специалиста по математической логике С. Яновской... И встречи с замечательными писателями Владимиром Дудинцевым, Ильей Эренбургом. И общение с выдающимися учеными Нильсом Бором, Норбертом Винером, Львом Ландау... И посещение выставок Ильи Глазунова, концертов Давида Ойстраха и Святослава Рихтера... Сыграло свою роль личное знакомство со знаменитым диссидентом А. Зиновьевым... Позднее завязывается знакомство с выдающимися философами современности А.Ф. Loseвым, Э.В. Ильенковым, М.К. Мамардашвили. Образно говоря, молодой философ Феликс Лазарев в своих дерзаниях опирался на плечи гигантов. Особенно значима была встреча с выдающимся ученым-физиком Нильсом Бором. Она имела место в МГУ в мае 1961 года на праздновании традиционного «Дня Архимеда». Студенты, изображавшие великих ученых прошлого и настоящего, докладывали Архимеду о своих научных достижениях. Приближалась очередь Н. Бора... И тут, к ликованию всей публики, живой классик науки воочию предстал перед птенцами главного вуза страны... Чуть позже, на встрече в Доме культуры МГУ, пятикурсник Феликс Лазарев задал Бору вопрос, который его особенно волновал: можно ли в одной фразе охарактеризовать структуру реальности? Поддерживает ли современная физика мысль Гегеля о противоречивости мира? Ведь фотон, «крупница света», может вести себя и как волна, и как корпускула... И мэтр ответил: *природа не противоречива, а дополнительна*... Если говорить о фотоне, то без принципа *дополнительности* его природу описать невозможно... Феликс промыслил, что при исследовании важно учитывать не только сам субъект и объект, но и все обстоятельства, которые так или иначе влияют и на объект исследования, и на самого исследователя. Так родилась идея интервальной методологии, которая предполагает многомерность ситуаций, в которых пребывает весь окружающий мир. Иными словами, интервальная философия обосновывала возможность получения истины на каждом этапе познания. По большому счету, речь шла и о безупречности изначального Замысла... Такой подход в корне противостоял распространившемуся в современном мире научному и нравственному релятивизму, который объявлял все истины и ценности относительными. Плоды такого релятивизма в нравственной сфере сегодня очевидны — рушатся ценности, освященные традицией и самой природой. Его «эскиз» собственной жизни со временем вылился в разработку четырех важных разделов философской науки: это интервальный, антропологический, «славянское древо» и, наконец, идея коренной реформы самой философской науки.

Вот что Феликс Васильевич сказал А.Креминскому о замысле новой книги о человеке: в XIX веке многим философам казалось, что чело-

век по своей природе — существо сугубо социальное. Эту идею развивал марксизм. Казалось, что если изменить социальные условия, перестроить социум, то можно сделать человека счастливым. Революция — это и есть способ перестроить общество. (От себя добавлю, что параллельно развивались идеи, которых придерживался Лев Толстой: сначала надо переделать человека, сделать его нравственной личностью — и зло исчезнет, и общество изменится)... Победил марксизм. Чем это обернулось для России — известно всем: разруха, гражданская война, сталинщина. Разочаровавшись в возможностях социального переустройства, философы обратили взор к феномену человеческой культуры. Сформировался культурологический подход в науке о человеке, который тоже обнаружил ограниченность. Феликс Лазарев предлагает свое видение проблемы. Человек — это зеркало Вселенной, он впитывает все разнообразие мира. Но и Вселенная — зеркало, в которое вглядывается человек. Отсюда — полнота его бытия. Смысл жизни — быть в гостях у мира, у Бога. Человек по природе своей универсален, как мир. Для животного не существует такой реальности, как Универсум, Вселенная. Лишь человек понимает, как многообразна и многомерна действительность — она включает и мир видимый, и мир невидимый. На всех этапах жизни человек воспроизводит себя благодаря таким институтам, как дом, семья, община, храм, школа, университет, театр...

По большому счету интервальный проект Лазарева имел целью спасение истины в потоке тотальной плюрализации и релятивной вседозволенности. Лазареву было ясно, что в битвах за умы марксизм — благодаря догматизму — обречен на проигрыш. Но во времена, когда марксистская догма была государственной идеологией, всякое отступление оказывалось чревато последствиями... Вспоминаю, как на защиту моей диссертации о творчестве Чехова пришел представитель парткома и полчаса громил меня за извращение учения Ленина... По его мнению, мое место — в Бутырках... Хорошо, что члены Ученого совета оказались людьми порядочными и совестливыми.

Итак, марксизм обнажил свою ограниченность. Но и современная западная философия, зараженная субъективизмом, пугала тотальным отсутствием целостности. Она породила моральный релятивизм: вечные истины — красота, добро и зло, гуманизм — все стало относительным. Выход — интервальная философия. Она видит мир как многоуровневую, «ячеистую» структуру. На каждый объект можно смотреть с разных точек зрения. Если взять культурологический аспект проблемы, это означает необходимость диалога между народами, которые неизбежно видят мир по-разному. Каждая позиция, будь то человек, социальная группа, страна или сообщество — имеет право на существование. В науке и в социальном мире часто случается, что один прав, а другой не прав. Интервальная методология, — утверждает Ф. Лазарев, — обращает внимание на другую сторону дела. Есть точки зрения человека, социальной группы, государства, народа. Каждый видит реальность, исходя из объективного положения, опыта собственной истории. Видение жизни «изнутри», конечно же, будет отличаться

от видения тех же явлений наблюдателем «извне», т.е. другим человеком, социальной группой, народом. И здесь каждый в пределах своего горизонта оказывается носителем истины. Поэтому всем необходимо через диалог, компромисс искать точки соприкосновения и взаимопонимания.

Известный специалист в области интеллектуальной культуры В.В. Бу-ряк отнес интервальный подход к семи выдающимся открытиям в сфере гуманитарного знания XX века, среди которых — психоанализ, феномено-логический метод, экзистенциалистский стиль мышления, герменевтика, структурализм. Лазарев создал свою международную школу интервальной философии. Особенно плодотворно это проявляется в социально-гумани-тарных исследованиях.

...Роль популяризатора чужих идей интересна, но неблагодарна. Пре-жде всего, надо самому понять суть новаций, предложенных в сфере, в ко-торый ты не являешься специалистом. Вспоминаю историю, которую мне рассказал покойный профессор Билинкис, блестящий филолог, историк литературы из Петербургского университета. Вот, — говорил профессор, — читаю студентам лекцию. Ничего не поняли. На следующий год снова читаю — опять не поняли. Читаю на третий год — наконец, сам понял... Наверное, лучше автора идеи о ней рассказать никто не сможет. Вот что прочитал я в статье Феликса Лазарева об интервальной философии, опу-бликованной год назад в трудах Крымской академии наук.

Мир, по утверждению философа, представляет собой ячеистую струк-туру — он состоит из множества реалий и явлений, которых еще нет, но которые возможны. Один и тот же объект — например, обыкновенные часы — может выступать в разном качестве. Как физическое тело часы являют свою массу в свободном падении. Как товар — в процессе купли-продажи. Как прибор для измерения времени — в житейской практике. Как куль-турная ценность — в музее или коллекции. Интервал фиксирует все упо-мянутые стороны многомерного предмета. Человеческий разум столь же многомерен. Это значит, что структура познающего разума в своей сути связана со структурой познаваемого объекта. Это есть гарантия того, что мир в принципе познаваем. Все познавательные позиции имеют равные права. С точки зрения гносеологии (науки о познании) эти позиции могут быть противоречивыми, но лишь взятые вместе, они дают исчерпывающую информацию об объекте. Интервальная методология предполагает своего рода «склейку» картин объекта по принципу дополнительности, о которой говорил Нильс Бор. Итак, суть интервального метода — в том, чтобы пред-ставить изучаемое явление в многомерном пространстве путем установле-ния смысловых и логических связей между разными моделями этого объ-екта. Установления своего рода иерархии между разными точками зрения.

Конечно, это только «выжимка» из многослойной аргументации Ла-зарева — может, и не совсем верная, и не совсем понятная. Лучше все-го проиллюстрировать новый метод на примерах. Возьмем психологию человека. Здесь имеет место иерархия различных уровней сознания. Ка-кой-то уровень (либидо) можно понять, опираясь на психоанализ Фрейда.

Другой, более глубинный уровень переживаний, связанный со смертью и рождением, можно интерпретировать с помощью экзистенциалистской философии. Переживания родовой травмы поддаются пониманию в опоре на труды О. Ранка. А вопросы психологии смерти больше всего постижимы в свете работ К. Юнга... Интервальная методология предполагает учет всех возможных точек зрения — в том числе и мистических, оккультных... Боже, как это далеко от традиционной «прямой линии» марксистской диалектики! Один из приемов почувствовать новый интервал, отмечают авторы, это выйти из старого, перестать воспринимать его, абстрагироваться от него. Прежде всего, надо «отрешиться от повседневности». Прочитав эти строки, я вдруг ощутил органическую близость лазаревской методологии тысячелетнему опыту дзен-буддизма. Чтобы отрешиться от пут повседневности, которые повязывают наше восприятие тысячами бытовых условностей, дзен предлагает специальный тренаж ума в виде логических задач. Одну из них я запомнил: представьте, что вы со связанными руками висите над пропастью, держась зубами за ветку. Вот к вам приближается мать и умоляет сказать всего одно слово, которое ее спасет. Но, чтобы спасти мать, надо разжать зубы и неминуемо погибнуть... Таков страшный выбор. Что же делать? Многие из нас, встав перед этой мысленной дилеммой, начинают придумывать способы спасти мать и как-то изловчиться промолвить слово, не разжимая зубов... А ответ прост: надо просто проснуться... То есть, перейти из одной реальности — в другую... Так вот: интервальная философия — это и есть способ иначе взглянуть на мир.

А сейчас я держу в руках книгу в красном с золотом переплете. Называется она «Славянское древо. Книга судеб». Академик Лазарев подарил ее мне с добрым напутственным словом. Если потребуется в одной фразе изложить ее суть, то я бы не затруднился: это надежда преображения. Ожидание того, что славянская Золушка превратится в прекрасную принцессу... Автор пытливо заглядывает в прошлое славянских народов Европы, ожидая откровения и просветления. А ведь их, этих славянских племен и народов, было и есть немалое количество! Оно сравнимо с романо-германским миром. Воинственность, храбрость славян вошли в историю. В спорте славяне традиционно в числе мировых и европейских лидеров — Творческий Гений беспределен. Достаточно вспомнить имена великого химика Дмитрия Менделеева, гениального физика серба Николу Теслу, отца космонавтики Константина Циолковского, выдающихся музыкантов Чайковского и Рахманинова, знаменитых писателей Пушкина, Мицкевича, Шевченко, Толстого, Чехова... Чехова, кстати, называют «славянским Шекспиром»... В космос первым вышел тоже наш брат славянин... Но исторические судьбы славянства были драматичны. Явные и скрытые недоброжелатели делали все, чтобы разобщить славянские народы. Достаточно вспомнить судьбу Югославии, братские народы которой оказались разобщены. Часть осталась верна православию, часть попала под пяту ислама, часть обращена в католическую веру. Все это обернулось братоубийственной войной и распадом. Подобная ситуация возможна в нашей Украине... И сейчас славянство

оказалось в различных, соперничающих между собой союзах и объединениях стран. Россия, — великий народ, который в свое время сломал хребет фашизму, — после распада СССР утратила позиции великой мировой державы. Изменение климата, проблемы экологии, истощение природных ресурсов ведут мир к грядущим войнам за территорию для проживания, за хлеб и воду.

Как ученый, как аналитик Феликс Лазарев понимает, какие трудные десятилетия ожидают народы мира, в том числе и славянство. Но, как русский православный человек, он не может не верить в счастливую звезду русского мира. Его позицию я определил бы как позицию романтического философа. Вспомним, что романтическая философия начала XIX века воспринимала развитие цивилизации (мирового духа) как эстафету сменяющих друг друга национальных духов. К примеру, немецкий народ обогатил мировой дух достижениями философской мысли. А что внес в мировую сокровищницу русский гений? Он уже дважды спасал Европу и мир от нашествий варваров — сначала татаро-монголов, а потом и нацистской чумы... Что-то есть в русском человеке, в славянской душе такое, что горячо отзывается на мировые скорби. Достоевский называл это свойство всемирной отзывчивостью. Это свойство присуще именно русскому человеку. Может, именно здесь стоит искать залог великой будущности славянства? В сознании и в развитии этих идей философ и русский человек Феликс Лазарев продолжает ту идейную и нравственную линию, которая в свое время была заложена в трудах Николая Данилевского, продолжена в идеях Николая Гумилева. И хочется верить в правоту его научного анализа и его чувств русского патриота и гражданина.

Книга «Славянское древо» увидела свет десять лет назад, но вопросы, поставленные в ней, не утратили злободневности. До сих пор дискуSSIONен вопрос: а существует ли такая историко-культурная ценность, как славянское единство? Н является ли оно теоретической абстракцией или даже фикцией? Ведь до сих пор не существует таких институтов, как, к примеру, международный Славянский университет, как Академия славянской культуры... Лично я и поныне с большой теплотой вспоминаю свое пребывание в Сербии. Там в городе Нови-Сад существует уникальная общественная организация, возникшая в позапрошлом веке — это Матица сербская. (Матица — пчела-матка, матица — это балка, на которой держится потолок жилище). Матица, по большому счету, спасла сербскую культуру, сербский язык в годы лихих испытаний. Были такие «Матицы» и у чехов, и у поляков, и у болгар... Общеславянской Матицы до сих пор нет... А ситуация в Европе складывается так, что часть славянских стран уже стали членами Евросоюза, часть готовится стать ими. Там господствуют идеи и принципы, которые огромная часть населения России, Белоруссии и Украины не приемлет. Н послужит ли это еще большему отчуждению славянских народов? В книге Лазарева есть ответ и на этот вопрос. Как философ, системно воспринимающий проблемы истории и культуры, он приходит к выводу, что вовлеченность людей в одну общность не исключает причастности лич-

ности к другим коллективам или движениям. Каждая общность генерирует смыслы и ценности. Славянская идея — могучий генератор новых духовных идей в мире, который на глазах разрушает традиционные ценности бытия. Рано или поздно эта идея будет востребована. И тут к месту вспомнить, что историческое предназначение Руси было, есть и будет в идее собирания и взращивания. Что нужно для этого? Для этого, по мнению Лазарева, необходимо наконец-то расстаться с традицией которая, как гири на ногах, тормозит поступательное развитие народа. Традиция эта прекрасно выражена в большевистском гимне: «весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим...». Разрушали не столько систему насилия, сколько все налаженное хозяйство, всю культуру, даже генотип славянина-русича. Таких кардинальных ломок на Руси — увы — было много. Вспомним, что принятие христианства сопровождалось почти полным уничтожением исконной народной культуры, фольклора, песенного творчества, народных ремесел. Через семь столетий не менее драматичной для русской духовности была реформа церкви, которую затеял патриарх Никон. Возник церковный раскол, тысячи людей подверглись репрессиям. Тысячи сгорели живыми факелами в ходе протестов старообрядцев. В XVIII веке Русь потрясли реформы Петра: император ради внедрения европейских ценностей ломал страну через колено... Делалось это варварскими методами — он самолично рубил головы стрелцам и повелел в качестве наказания рвать ноздри до кости... Что принес России большевистский переворот — хорошо известно: миллионы людей погублены в концлагерях, миллионы умерли от голода... И, наконец, разгул «демократии» после распада СССР в начале 90-х годов поверг десятки миллионов людей в беспросветную нищету... На Украине, к примеру, до сих пор не достигнут уровень жизни, который мы имели в конце 80-х годов XX века...

«Славянское древо» — книга о славянской истории, славянской культуре, нынешнем дне бытия славянских народов... О завтрашнем дне славянского сообщества. Но есть тут и главы, посвященные рассмотрению мучительных вопросов о славянском менталитете, об особой славянской душе... Как она являет себя? Как мир гармонии и красоты? Так она отражена в стихах Пушкина. Как загадка, перед которой вставали в тупик люди Запада? Как ристалище великой битвы между добром и злом? Эта сторона отражена полнее всего в романах Федора Достоевского. Лазарев осветил еще одну оригинальную часть славянской души. Это — славянская философия... Суть ее определена в одной емкой фразе: философия сердца... Третья часть книги так и называется — «Метафизика сердца». Главный тезис: «Славянская философия — это, по преимуществу, философия сердца... Сердечность — в самих истоках нашего национального сознания». Да и в славянской культуре сердце воспринимается как культурный символ, архетип, к которому на протяжении веков обращались народные сказители, поэты, богословы. Лазарев это иллюстрирует именами замечательных мыслителей прошлого. И. Киреевский изощренности ума называл просто: «умная хитрость». Тонкую «метафизику сердца» он противопоставлял холодной

«метафизике разума», свойственной Западу. Иван Ильин ввел особое понятие: «сердечное созерцание» — это благородная способность, порыв духовной любви к возвышенным и достойным предметам. Это и творческая интуиция, и ясновидение. Но особенно прочувствовал сущность философии сердца украинский философ восемнадцатого века Григорий Сковорода. Его идеи уходили корнями в православие, в представления о всепобеждающей силе любви, о которой говорили Христос и апостол Павел. Славянская идея «общего дела», которую исповедовал Николай Федоров, тоже густо замешана на метафизике сердца... В ряд славянских философов, развивающих эту благодетельную идею, мы смело ставим и имя Феликса Лазарева, нашего земляка и современника...

Феликс Лазарев — личность многогранная. В нем живет и умный педагог, взлелеявший когорту молодых философов, и ученый с отточенным аналитическим аппаратом, орудием скрупулезного анализа сложнейших проблем бытия и познания. Но это и известный писатель — член правления Союза русских, украинских и белорусских писателей. Тут он выступает как публицист, размышляющий об актуальных проблемах сегодняшней жизни. Но интересно проследить и проявления чисто писательского, словесного, образного менталитета Феликса Васильевича. Наиболее ярко эта особенность проявилась, пожалуй, в книге «Славянское древо. Книга судеб». Писатель Лазарев размышляет о судьбах великих русских поэтов, опираясь на положения о «пограничной ситуации» в сознании человека. Человек вдруг оказывается на острие лезвия между жизнью и смертью... Иного выбора нет. В такой пограничной ситуации — увы — оказывались многие великие поэты России: и Пушкин, и Лермонтов, и Блок, и Есенин, и Маяковский, и Высоцкий... Особенно трагична судьба великой поэтессы Марины Цветаевой, которая оборвала нить своей жизни в глухом углу советской страны — в заштатном городке Елабуге...

Вопрос Феликсу Васильевичу: ваша супруга Маргарита Константиновна — и философ, и поэт. И у вас прорезывается некий творческий «дуализм». В большинстве случаев побеждает или логика, рационально начало, или образное мышление. Вот Чехов: писал прозу, писал драмы, пробовал даже диссертацию написать — и ни строчки серьезных стихов. Я пишу и ученые статьи, и лирику. Замечаю, что у меня научные статьи излишне метафоричны, а лирика пронизана «размышлизмами», ее частенько тянет к обобщениям бытийного или публицистического свойства. А как у вас? Как работают ваши мозговые триггеры: «И — и»? «Или — или»? «Что касается моего стиля мышления, — ответил философ, — то здесь многое зависит от специфики объекта размышления. Абстрактные объекты требуют объективистского стиля. Если же я обращаюсь к злобе дня или вопросам нашего исторического бытия, особенно судеб Русского мира, к рассудку подключается сердце, все человеческие эмоции. В результате стиль письма меняется радикальным образом. Как писал Маркс, если предмет смеется, то его исследование не должно быть скучным, а если предмет плачет, то может ли исследователь оставаться беспристрастным?».

Одну из последних обобщающих книг — «Оправдание мудрости» (Симферополь, 2011) — Феликс Васильевич написал вместе с женой Маргаритой Константиновной Трифоновой. Книга велика по объему и по содержанию. Очень содержательную рецензию на книгу «Оправдание мудрости» написал философ А.Микитинец. Приведу некоторые ее важнейшие положения. В культурной жизни крымского полуострова, утверждает рецензент, иногда происходят события, по своему масштабу превосходящие географические, и даже можно сказать, его провинциальные рамки. Книга «Оправдание мудрости» по своему замыслу, охвату и мировоззренческой глубине является тому примером. Знаменитый философ современности М.К. Мамардашвили в одной из своих работ сказал: «Употребляя слово «мудрость», греки обязательно соединяли его со словом «удивление», считая, что любовь к мудрости, или философия, — рождается из удивления». Парадоксально, что «абсолютно консервативная» по своему содержанию книга Лазарева и Трифоновой может *удивить*. Чем? Прежде всего, обнаружением белого, или говоря языком биологии, слепого пятна в глазу *любого* европейского философа, в вечном поиске истины погнавшегося куда-то вдаль и заблудившегося в лабиринте мысли. Философы за две с лишком тысячи лет постепенно трансформировались в философоведов. Увлечшись генерированием новых смыслов, европейская философия *потеряла себя*, ибо отреклась от мудрости, требующей от мыслителя не только вопросов, но и ответов... Вернувшись домой, надо не задавать вопросы, а отвечать на них. Как ни странно, пишет рецензент, но понятие мудрости в современной философии находится где-то в области *маргинального*. Слово мудрость уже и не ассоциируется с философией, зачастую вызывая не всегда скрываемую усмешку. Авторы монографии в лучших традициях литературного, или даже публицистического жанра, ошеломляют своего читателя *сенсацией*. Оказывается, философия, заявившая о себе как любовь, стремление к мудрости — таковой не является! Среди явлений нашей жизни сложно себе представить, например, медицину, которая не лечит, или школу, которая не учит. А философию, которая не занимается мудростью, Ф.В. Лазарев и М.К. Трифонова метко и красноречиво именуют *скандалом в философии*.

Работа представляет собой эссе, если его понимать в буквальном переводе с французского языка, как опыт, испытание, авторскую пробу обретения мудрости с высоты прожитых лет. Здесь значительное место отведено традициям восточной мудрости, которые получают самую высокую оценку. Западная мысль — увы — не всегда справлялась с поставленными задачами. Подобная постановка вопроса сама по себе закономерно вызывает дискуссию. Поэтому можно спорить по поводу отдельных фрагментов текста, оценок тех или иных событий и направлений — всё это лишь говорит о смелости высказать другим философам правду «в глаза», без неуместной в данном случае дипломатии. «Речь идёт о глубоком переосмыслении исторического времени и культурных кодов человечества, а также высшей сущности *самой традиции* как универсального социокультурного феномена. И тогда станет ясно, что речь идёт о возврате не к «старому», а к

«вечному»» ... В заключение рецензии автор напоминает слова И. Канта, которые более всего подходят для характеристики книги «Оправдание мудрости»: «Быть опровергнутым — этого в данном случае опасаться нечего; опасаться следует другого — быть непонятым». Но и этого создателям замечательной книги бояться не стоит...

Ялта-Симферополь.2013.

